

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-327-339

УДК 101.1: 316

СИМВОЛИЧЕСКИЙ МИР МОДЕРНИЗИРУЕМЫХ ОБЩЕСТВ: ИЗОБРЕТЕНИЕ ТРАДИЦИЙ (КЕЙС ЯПОНИИ)

Зиневич Ольга Владимировна,

*доктор философских наук, доцент,
заведующий кафедрой международных отношений и регионоведения
Новосибирского государственного технического университета,
Россия, 630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
ozinevich@gmail.com*

Черненко Ярослав Вадимович,

*аспирант Новосибирского государственного технического университета,
Россия, 630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
24111102@mail.ru*

Аннотация

В статье рассматривается специфика японской модернизации. Отмечено, что эта специфика была заложена во время реформ периода Мэйдзи, в процессе которых был достигнут своеобразный, но жизнеспособный синтез западных и незападных паттернов поведения, схем мышления, комплексов символических элементов и идей. Перед Японией второй половины XIX в. стояла задача догнать западные страны. Указывается, что это подразумевало копирование различных западных традиций и социальных институтов. Тем не менее Японии удалось довольно удачно провести свою модернизацию, не потеряв при этом своей национальной идентичности. Сегодня Япония уже сама является объектом, чей опыт модернизации пытаются копировать другие страны. В условиях глобализации происходит распространение японских паттернов поведения и иных социокультурных элементов.

Авторы статьи используют концепцию «изобретения традиций» Эрика Хобсбаума с целью раскрыть специфику японской модернизации. С позиции этого подхода предполагается, что модерн периода Мэйдзи был сконструирован («изобретен») благодаря некоему консенсусу японских элит того времени. Таким образом, для освоения культуры модерна японским элитам необходимо было «изобрести» традиции так, чтобы народ мог их органично воспринять как свои собственные. Само изобретение традиций, в свою очередь, является сложным процессом конструирования социокультурных образцов, во время которого новые по сути

практики и модели поведения представляются более древними, чем они являются на самом деле, подчеркивается их исконность и связь с народным прошлым.

В Японии периода Мэйдзи у различных групп японских элит были свои проекты изобретения традиций, иными словами, принятия достижений модерна. Авторы делают вывод о том, что победившая модель, реализованная правительством Мэйдзи, оказалась довольно успешной и позволила Японии в скором времени конкурировать с западными державами на относительно равных условиях.

Ключевые слова: модернизация, Революция Мэйдзи, Реставрация Мэйдзи, Япония, изобретение традиций, социокультурный контекст, незападные общества, социальное конструирование, национальная идентичность.

Библиографическое описание для цитирования:

Зиневич О.В., Черненко Я.В. Символический мир модернизируемых обществ: изобретение традиций (кейс Японии) // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 2, ч. 2. – С. 327–339. – DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-327-339.

Современная эпоха – время сочетания, казалось бы, несочетаемого. С одной стороны, в мире наблюдается острая экономическая конкуренция и политическое противостояние, дифференциация национальных и культурных миров, с другой – это происходит в условиях глобализации: универсализации и унификации образа жизни людей на всей планете. Догоняя технологически и экономически развитые страны Запада, развивающиеся страны заявили о собственном пути модернизации:обретении, сохранении и укреплении национального суверенитета и собственных культурных традиций. Вместе с тем модернизация в отдельных странах становится внутренним процессом глобализации. «Модернизация указывает на чрезвычайно высокое влияние внешней среды на внутреннее развитие, на то, что в последние десятилетия стало связываться с процессом глобализации. Социально-политические и социокультурные измерения модернизации в этом контексте можно рассматривать как внутреннюю часть процессов глобализации. Тогда модернизация предстает типом исторического развития, свойственным глобализации» [1, с. 17].

Быстрое развитие незападных стран, которые вышли на лидирующие позиции в мировой технологической и экономической гонке (в особенности страны с сильным конфуцианским культурным ядром), демонстрирует эффективность собственного пути модернизации без отказа от традиций и на основе утверждения национальной идентичности. В этих странах движение по собственному пути сопровождается поиском общей цивилизационной незападной перспективы, когда собственные ценности предлагаются миру в качестве всеобщих [2]. В этом плане для России с ее принад-

лежностью к западной культуре, приверженностью ценностям капиталистической экономики и западной демократии и одновременно стремлением утвердить собственную «незападную» особость интересен опыт стран Восточной Азии. Существует немало исследований, посвященных анализу опыта китайской модели модернизации, но не менее значим опыт Японии – страны с сильным ядром традиционной культуры, где либеральные западные ценности были совмещены с традиционными (или считающимися таковыми) культурными паттернами деятельности и поведения. В достаточно короткий по историческим меркам срок Япония «догнала» Запад и успешно выступает в качестве «альтернативного глобализатора», распространяя по миру собственные социокультурные образцы.

Опыт Японии интересен тем, что именно эта страна ответила на вызов западного империализма уже в середине XIX в. активными шагами, целью которых было гарантировать выживание Японии в качестве суверенного государства. Для этого было необходимо встретить Запад на его собственных условиях, внедрить в своей стране современные науку и технику с целью трансформировать традиционное общество Японии в индустриальное под эгидой современного национального государства. В Китае и других соседних странах такая трансформация встретила с серьезными препятствиями, в то время как в Японии она происходила сравнительно быстрыми темпами.

Обратимся к описанию процессов трансформации к модернити в Японии, условно разделив этот процесс на два этапа согласно следующей схеме: «Процесс перехода от аграрных к индустриальным эпохе, культуре, экономике, обществу и цивилизации является первичной модернизацией (классической). Процесс же перехода от индустриальной к эпохе знаний, культуре, экономике, обществу и цивилизации является вторичной модернизацией. Эпоха, основанная на знаниях, не является конечной точкой цивилизационного процесса, и за ней последуют другие модернизации. Типичными характеристиками первичной модернизации являются урбанизация, индустриализация, демократизация и рационализация. Типичными характеристиками вторичной модернизации являются информатизация, глобализация, экологизация и деиндустриализация» [4].

Обозначим начальные условия и основные средства модернизации в Японии с учетом культурных особенностей, чтобы сформулировать гипотезу, позволяющую в дальнейшем применять результаты анализа в кросс-темпоральном сравнении модернизационных процессов в разных странах.

Началом модернизации в Японии принято считать Реставрацию Мэйдзи (1868–1889). К этому времени в стране сложились начальные условия, необходимые для быстрой трансформации японского общества.

Для успеха модернизационной программы Реставрации Мэйдзи было необходимо одновременно институционализировать изменения и стабильность в рамках реально осуществимого компромисса. В Японии можно выделить четыре фактора, поспособствовавших этому процессу.

1. Так, японское традиционное общество исторически сформировалось как бы на краю китайской цивилизации. Можно сказать, что, по сути, оно было обществом фронта, которое занималось активным культурным заимствованием, объединяя элементы китайского конфуцианства со своими собственными и создавая довольно стабильное их сочетание. Такое положение Японии обусловило гибкость склада ума и институтов, которые наиболее ярко проявились в период Мэйдзи. В это время наука была поставлена на почетное место, предприниматели приняты как часть легитимной элиты, установился относительно эффективный контроль над взяточничеством и nepotизмом внутри армии и индустриальной администрации новой Японии. Эти изменения играли важную роль в модернизационном процессе, однако противоречили конфуцианскому образу жизни, одному из наиболее устойчивых в истории. Так, в Китае изменениям такого рода решительно сопротивлялись. В Японии новый синтез был легче, так как сама японская культура была более ранним смешением местных и инокультурных элементов. Таким образом, опыт жизни с различными идейными системами и борьба с их противоречиями приучили японцев к компаративному анализу, который пригодился во времена ответов на вызовы Запада [8].

2. Дополнительная динамика была также обусловлена тем, что японское общество было традиционно более плюралистичным в своей организации власти и в то же время не было атомизировано до уровня семьи или фрагментировано в политическую анархию. В VII и VIII вв. были осуществлены попытки заимствования принципов централизованного бюрократического государства империи Тан, однако они не увенчались особым успехом. Тем не менее они сформировали определенный идеал единства, который, однако, не мог на практике побороть клановые традиции и региональный партикуляризм японцев, которые поддерживались за счет особенностей горной местности. Такой партикуляризм мог приводить к фракционным разладам и анархии, что и происходило в периоды Фудзивара, Камакура и Асикага. Тем не менее система общественно-политического порядка, сконструированная Токугава, делала возможным так называемое «творческое напряжение», которое позволяло достигать определенного баланса между централизмом и клановой автономией [8].

3. Свою роль также сыграл временной отрезок, в который произошел собственно вызов Запада. Так, в Японии, Китае и Индии вызов пришелся на то время, когда правительства этих стран вступали во вну-

тренний кризис. Маньчжурская династия в Китае и сёгунат Токугава в Японии существенно устарели после почти двух сотен лет правления, однако в Японии назревающий разлад имел потенциал к революционным изменениям. Важным отличием от процессов, протекавших в это время в Китае, было то, что в Японии кризис уже привел к появлению амбиций и недовольств такого рода, что могущественная часть правящей элиты охотно поддержала идею вестернизации даже ценой свержения феодального строя. Таким образом, характерные ограничения, накладываемые традицией на подобные общества, в Японии в этот период были серьезно ослаблены тем, что потенциальные изменения статус-кво были, по сути, привлекательны для части элиты, обладавшей богатством и властью. Японское общество как бы уже находилось в институциональном изменении и, как следствие, было более открыто для новых идей [8].

4. Успеху японской модернизации также способствовала предрасположенность японцев к групповой организации за пределами семьи, сочетавшая солидарность внутри самой группы с гибкой регулировкой различий между группами при условии, что они не бросали вызов авторитету, олицетворенному в Императоре. Так, у японцев довольно быстро получилось создать крупномасштабные организации, которые могли бы достаточно эффективно функционировать в таких сферах, как тяжелая промышленность, образование, банковское дело, полиция, налогообложение и национальная оборона. Стоит отметить, что строительство таких рациональных бюрократических структур для нужд модернизации является одним из наиболее сложных ее элементов. К примеру, в Китае решение организационных проблем такого рода встретило ряд серьезных трудностей. В качестве объединяющей силы определенную историческую роль на первоначальном этапе модернизации сыграло чувство национализма. Оно позволило почти бескровно добиться национального единства, отсутствия продажности во внешней политике, четкого приоритета национальной обороны и сравнительного успеха японцев в подчинении семьи, класса, фракции и региона национальному интересу под слоганом «Фукоку кэхэй» – «Богатая страна, сильная армия» [8].

Таким образом, начало процесса модернизации в Японии было обусловлено рядом исторически сложившихся объективных и субъективных факторов, которые оказали решающее влияние на то, что путь вестернизации (принятие западных технологий и включение в глобальную экономику вместе с безусловным доминированием западного образа жизни и западных ценностей) не стал магистральным путем модернизации. Япония пошла по пути локализации – совмещения участия в глобальной экономике и сопротивления глобальной культуре путем трансформации тради-

ций, намеренных попыток синтеза иностранных и локальных культурных особенностей [3].

По мнению американского ученого Уильяма Локвуда, ключевым требованием японской модернизации было появление новой элиты, обладающей необходимыми компетенциями для реалистичного оценивания ситуации, в которой находилось государство, и способной идентифицировать свои личные и классовые интересы с делом модернизации, а также взять на себя руководящую роль до того, как такая возможность будет утеряна. В то же время остро стоял вопрос: какими качествами должна обладать такая элита? Так, ученый отмечал, что мотив получения прибыли может привести к спекуляциям или политическим взяткам, а милитаризм – к растрате национального наследия. Дисциплина может создать тюрьму, а не эффективное предприятие. Склонность к материальному заимствованию может вызвать пристрастие к французским духам или блестящим кадиллакам. Все потенциальные результаты варьируются в зависимости от особенностей социальной структуры в определенном историческом контексте, и определенное стечение обстоятельств может подтолкнуть институциональные изменения в «правильном» направлении и придать кумулятивный импульс всему процессу [8].

Профессор Гарвардского университета Эзра Фогель отмечает, что всегда поражался высокой адаптируемости японского общества и той способности японских лидеров внедрять новые практики, которые быстро становятся как бы частью «японского пути». Тем не менее ученый считает, что многие так называемые японские практики, такие как пожизненное трудоустройство и кружки контроля качества, являются скорее не отражениями каких-либо исконных японских традиций, а сознательными попытками ответа на новые вызовы. Так, группы правительственных и предпринимательских элит, куда более обширные, чем исключительно лица, занимающие важные государственные должности в текущий момент, внимательно следят за изменениями обстановки и активно вовлекаются в процесс разработки новых паттернов мысли и организации, которые позволяют ответить на нужды японского общества в целом. Таким образом, в то время как многие ученые называют сильной стороной Японии адаптируемость ее традиций, Эзра Фогель заявляет, что сила Японии базируется на ее традиции адаптируемости [6, с. 45].

В качестве одного из многочисленных примеров Эзра Фогель приводит факт перехода к новому образованию и науке в период Мэйдзи. Следует признать, что традиционное уважение к учению заложило фундамент отношения к образованию и науке в период Мэйдзи, однако стоит заметить, что содержание этого нового образования существенно поменялось. Так, по мнению Эзры Фогеля, готовность японцев отбросить старые виды

образования и принять иностранное образование не может быть объяснена японской традицией, только если это не традиция гибкого приспособления к новым обстоятельствам и факторам. Не только в сфере образования, но и в других сферах функционирования социума японцы показали достаточное постоянство своей готовности оставлять традиционные методы ведения чего-либо и принимать те, которые выглядели наиболее современными и эффективными в конкретной исторической ситуации, будь то конституция, армия, школьная система или индустриальные технологии [6, с. 49].

Многие научные работы, исследующие феномен модернизации Японии XIX в., объясняют ее через устойчивость японской культуры и традиций, однако существует и другой подход в рамках постмодернистской теории, который рассматривает элементы современной японской культуры, считающиеся традиционными, в качестве «изобретенных традиций» периода строительства современного государства и национального самосознания в XIX в. При этом традиции понимаются как устойчивые паттерны деятельности и поведения, сохраняющие свою специфику на протяжении длительного исторического периода [5].

Ученые, работающие в рамках этого подхода, ставят под вопрос сформировавшиеся в научном сообществе за последние десятки лет представления о том, что культурное наследие, традиционные ценности и практики предшествовали японской модернизации и содействовали ее успеху. Иными словами, существует тенденция, отвергающая взгляды специалистов по Японии, которые приписывают успех японской модернизации ее домодерным ценностям и институтам. Зачастую упор в таких исследованиях делается на процесс «изобретения традиций» [5].

Термин «изобретение традиций» в научный оборот ввел Эрик Хобсбаум, известный британский историк-марксист. Согласно этой концепции многие традиции, которые кажутся древними либо претендуют на древность, в реальности зачастую появились совсем недавно или даже были изобретены. В самых общих чертах изобретенные традиции представляют собой некий набор практик и ритуалов символического характера, которые явно или скрыто регулируются с помощью определенных правил и имеют своей целью привитие определенных ценностей и норм поведения, подразумевая их преемственность с прошлым [7, с. 1].

Рассматривая концепцию «изобретенных традиций», следует обратить внимание на само понятие «традиции», которое также вызывает много вопросов. Так, Эдвард Шилз, американский социолог, исходя из этимологии этого слова, считал, что традицией является всё то, что передается или транслируется из прошлого в настоящее. Традиции включают в себя материальные объекты, представления о разных вещах, образы людей и собы-

тий, практики и институты. Так, говоря о материальной стороне вопроса, мы можем назвать такие примеры, как здания, скульптуры, памятники, инструменты, картины, книги, машины и даже измененный человеком ландшафт. Таким образом, традиции включают всё то, чем обладает общество определенного времени, и то, что уже существовало, когда его обрели нынешние владельцы. Традиции не являются чистым продуктом физических процессов внешнего мира или исключительно результатом экологических либо физиологических потребностей. В случае практик и институтов, состоящих из действий человека, транслируются не определенные конкретные действия, так как это невозможно по причине того, что действие человека перестает существовать, когда оно совершено. Транслируемой частью этих институтов и практик являются некоторые паттерны и образы действий, а также определенные представления, которые регулируют реконструкцию этих паттернов [10, с. 13].

Возвращаясь к концепции изобретенных традиций, следует заметить, что историческое прошлое, с которым связывают новую традицию, необязательно должно уходить в «глубину веков». Так, особенностью изобретенных традиций является то, что их преемственность с определенным историческим прошлым искусственна. Иными словами, такие традиции представляют собой ответы на новые ситуации, которые принимают форму отсылки к старым ситуациям или формируют свое собственное прошлое путем квазиобязательного повторения. По мнению Эрика Хобсбаума, изобретение традиций представляет научный интерес особенно из-за контраста, который возникает между постоянно меняющимся современным миром и попытками структурировать хотя бы некоторую часть социальной жизни внутри него в качестве неизменной [7, с. 2].

Стоит отметить, что «изобретенные традиции» никогда не являются полностью собственно изобретенными, так как им почти всегда необходимо найти определенный отклик в опыте и памяти обычных людей для того, чтобы быть принятыми и войти в обиход. Большинство критиков подхода и самих авторов признают, что изобретенные традиции – это не просто изобретения, так как они не могут появиться из вакуума. Мария Фаркас считает, что это особенно актуально в Японии, потому что ее модернизация была связана не только с мировыми процессами, но и с собственно японским историческим контекстом. Изучение вопроса изобретения традиций без учета местного социокультурного контекста может привести к ошибочному толкованию процесса. Японский опыт модернизации отличался от европейского, и именно этот контекст позволил выработать и сохранить чувство японской идентичности в позднем XIX и раннем XX в. [5].

Опыт Японии показывает, что успешной модернизации общества, безусловно, способствуют объективно сложившиеся условия, среди которых значим субъективный фактор – готовность элит к преобразованиям и умение «изобретать традиции». Путем принятия «чужих» ценностей конструируется новая модель национальной идентичности. Когда элиты изобретают, а общество принимает «традиционные» (сконструированные) ценности, ключевым средством модернизации становятся культурные трансформации – изменения интеллектуального, идейного и социально-психологического настроя общества, которые захватывают не только элиты, но и массы людей.

Как правило, в большинстве контекстов модернизации можно заметить определенные паттерны изобретения традиций в целях представления альтернативных путей к модерну. Дилемма практически всех модернизирующихся обществ и культур выражается в том, чтобы не потерять свою идентичность в процессе изменения своих культурных директив и горизонтов. Обычно интеллектуалы в самом широком смысле этого слова чувствуют определенную обязанность найти подходящее применение историческому прошлому в настоящем в целях достижения модерна. Они ощущают себя как бы вправе интерпретировать символическую вселенную культуры, чтобы в итоге представить последовательную и убедительную историческую карту ее начал и будущего развития. Таким образом, интеллектуалы имеют формирующее влияние на общественную интерпретацию символического мира своих обществ. В случае, если эти интеллектуалы также играют роль политиков, они могут и будут использовать свое видение культуры и истории для того, чтобы перестроить ткань общества, находящегося под угрозой неконтролируемых изменений своего обычного функционирования. Таким образом, изобретение традиций является нормальным результатом процессов изменений внутри культурной вселенной общества. Зачастую желание восстановить хотя бы часть той общей воображаемой почвы, из которой происходит находящаяся под угрозой культура, приводит к сознательной манипуляции людьми в целях получения голосов, денег и единомышленников. Следовательно, до тех пор, пока избиратели и единомышленники верят в реальность изобретенной традиции, она будет отображать социальную конструкцию неоспоримой реальности [9].

Изобретение традиции эволюционирует через процесс социального конструирования, который проходит в виде своеобразного соревнования или состязания между элитами, предлагающими свои проекты. Так, элиты борются за достижение культурной гегемонии, то есть за право влиять и доминировать в сфере выбора главных символов, ритуалов и моделей общности. В процессе этой борьбы элиты выбирают только те элементы

культурной традиции, которые могут предоставить разумное решение для «современной драмы неопределенности и социальной аномии». В частности предполагается, что историческое прошлое, выборочно увиденное через призму агентов модернизации, предоставит новую схему морали и социального единства. Таким образом, элиты надеются, что процесс изобретения традиции позволит избежать полного отречения от традиционного мира гармонии и порядка ради потенциальных преимуществ и выгод светского модерна. Так, властные интересы и культурные горизонты модернизирующихся элит формируют различные версии изобретенных традиций, приспособленных для политической легитимации и сохранения культурного достоинства [9].

Таким образом, создание или же «изобретение» нового символического мира в период Мэйдзи, вмещавшего в себя модерн, было органичным ответом на вызовы времени. Так, стечение внешних (давление Запада) и внутренних факторов (распад феодального строя, крах режима Токугава) привело к тому, что элиты Японии, пришедшие к власти в результате Революции Мэйдзи, смогли осознать надвигающуюся опасность стать колонией или полуколонией Запада. В процессе достаточно интенсивной борьбы группировок японских элит за реализацию именно их модели модерна был произведен поиск подходящего исторического и мифологического прошлого, заимствованы необходимые для модернизации западные социальные институты и другие социокультурные образцы. В дальнейшем правящая элита при поддержке элиты интеллектуальной объединила западные и незападные (японские) социокультурные модели, создав на их основе новое японское настоящее, а также задав новую схему координат в рамках символического мира. Это, в свою очередь, позволило Японии к концу периода Мэйдзи догнать наиболее развитые страны Запада и начать более-менее успешно с ними конкурировать.

Литература

1. *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации: поиски новой идентичности. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: [б. и.], 2008. – 370 с.
2. Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона; пер. с англ. В.В. Сапова под ред. М.М. Лебедевой. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 379 с.
3. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / ред.: Хэ Ч. и Лапин Н.И. – М.: Весь мир, 2011. – 256 с.
4. *Сунь Лэй.* Китайский путь – модернизационная трансформация китайской цивилизации // Сравнительная политика. – 2019. – № 2. – С. 20–36. – DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10014.
5. *Farkas M.I.* Reconstructing Tradition. The Debate on “Invented Tradition” in the Japanese Modernization // Acta Asiatica Varsoviensia. – 2016. – Iss. 29. – P. 31–46.

6. *Fukui H., Bernstein G.L.* Japan and the World: Essays in Japanese History and Politics in Honour of Ishida Takeshi. – Macmillan Press and Palgrave Macmillan, 1988. – 318 p.
7. *Hobsbawm E., Ranger T.* The Invention of Tradition. – Cambridge University Press, 2012. – 320 p.
8. *Lockwood W.W.* Japan's Response to the West: The Contrast with China // World Politics. – 1956. – Vol. 9, iss. 1. – P. 37–54.
9. *Riegel K.G.* Inventing Asian Traditions: The Controversy between Lee Kuan Yew and Kim Dae Jung // Development and Society. – 2000. – Vol. 29, N 1. – P. 75–96.
10. *Shils E.* Tradition. – University of Chicago Press, 1981. – 334 p.

Статья поступила в редакцию 31.10.2020.

Статья прошла рецензирование 25.11.2020.

DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-327-339

SYMBOLIC WORLD OF MODERNIZING SOCIETIES: INVENTED TRADITIONS (THE CASE OF JAPAN)

Zinevich Olga,

*Dr. of Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Head of the International Relations and Regional Studies Department
Novosibirsk State Technical University,
20 K. Marx Prospekt, Novosibirsk, 630073, Russian Federation
ozinevich@gmail.com*

Chernenko Yaroslav,

*Postgraduate student
Novosibirsk State Technical University,
20 K. Marx Prospekt, Novosibirsk, 630073, Russian Federation
24111102@mail.ru*

Abstract

This article discusses the specifics of Japanese modernization laid down during the Meiji reforms, which is believed to have achieved a kind of viable synthesis of Western and non-Western patterns of behavior, thinking patterns, and complexes of symbolic elements and ideas. Japan in the second half of the 19th century was faced with the task of catching up with Western countries, which implied, for example, copying certain Western traditions and social institutions. Nevertheless, Japan managed to carry out its modernization quite successfully, without losing its national identity. Today Japan is already an object itself, whose modernization experience other countries are trying to copy. Thus, under the conditions of globalization, Japanese behavioral patterns and other socio-cultural elements are spreading.

The authors of this article utilize the concept of Eric Hobsbawm's "invented traditions" to reveal the specifics of Japanese modernization. This approach assumes that Meiji modernity was designed or "invented" by some consensus of the Japanese elites of that time. Thus, in order to achieve modernity, Japanese elites had to "invent" traditions in a certain way, so that people could accept said traditions as their own. The invention of traditions itself, in turn, is a complex process of constructing socio-cultural patterns during which new practices and behaviors are made to seem older than they actually are, emphasizing their originality and connection with the people's past.

In Meiji Japan, various groups of Japanese elites had their own designs for the invention of traditions, in other words, the achievement of modernity. The authors conclude that the winning model implemented by the Meiji government was quite successful and allowed Japan to compete with Western powers on relatively equal terms.

Keywords: modernization, Meiji Revolution, Meiji Restoration, Japan, invention of traditions, socio-cultural context, non-Western societies, social construction, national identity.

Bibliographic description for citation:

Zinevich O., Chernenko Ya. Symbolic World of Modernizing Societies: Invented Traditions (The Case of Japan). *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 2, pt. 2, pp. 327–339. DOI: 10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-327-339.

References

1. Vinogradov A.V. *Kitaiskaya model' modernizatsii: poiski novoi identichnosti* [Chinese model of modernization. The search for a new identity]. 2nd ed. Moscow, 2008. 370 p.
2. Berger P.L., Huntington S.P., eds. *Many Globalizations*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2002 (Russ. ed.: *Mnogolikaya globalizatsiya*. Moscow, Aspekt Press, 2004. 379 p.).
3. *China Modernization Report Outlook (2001–2010)*. Peking university press, 2010 (Russ. ed.: *Obzornyi doklad o modernizatsii v mire i Kitae (2001–2010)*. Moscow, Ves' Mir Publ., 2011. 256 p.).
4. Sun Lei. Kitaiskii put' – modernizatsionnaya transformatsiya kitaiskoi tsivilizatsii [The Chinese Path – Modernization Transformation of the Chinese Civilization]. *Sravnitel'naya politika = Comparative Politics Russia*, 2019, no. 2, pp. 20–36. DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10014. (In Russian).
5. Farkas M.I. Reconstructing Tradition. The Debate on “Invented Tradition” in the Japanese Modernization. *Acta Asiatica Varsoviensia*, 2016, iss. 29, pp. 31–46.
6. Fukui H., Bernstein G.L. *Japan and the World: Essays in Japanese History and Politics in Honour of Ishida Takeshi*. Macmillan Press and Palgrave Macmillan, 1988. 318 p.
7. Hobsbawm E., Ranger T. *The Invention of Tradition*. Cambridge University Press, 2012. 320 p.
8. Lockwood W.W. Japan's Response to the West: The Contrast with China. *World Politics*, 1956, vol. 9, iss. 1, pp. 37–54.
9. Riegel K.G. Inventing Asian Traditions: The Controversy between Lee Kuan Yew and Kim Dae Jung. *Development and Society*, 2000, vol. 29, no. 1, pp. 75–96.
10. Shils E. *Tradition*. University of Chicago Press, 1981. 334 p.

The article was received on 31.10.2020.

The article was reviewed on 25.11.2020.